

Она села на мягкую кушетку, и её чёрные волосы скользнули вниз. Она не любила убирать волосы и не любила надевать на голову золотые шпильки, яшмовые заколки, чтобы с каждым шагом привлекать внимание, но мужчины в подарок несли одно и то же: золото, яшму, драгоценности, парчовые одежды — и так, не утруждая себя, демонстрировали собственную власть.

Когда ей было тринадцать-четырнадцать, возможно, ещё требовались внешние украшения. В восемнадцать лет князь, желая вызвать её улыбку, сломал ногу законному сыну сановника. С тех пор она поняла: больше не нужно тратить силы на наряды. Князь не был её последним пристанищем — и, конечно, не первым.

Первым мужчиной в её жизни был безвестный книжник. Он родился с сердцем, болевшим за страну и народ, мечтал сделать хоть что-то для двора, но, не успев получить назначение, был погублен главным евнухом.

Она была подкидышем, книжник был на пять лет старше. Говорят, тогда пятилетний мальчуган выловил на реке деревянный таз, в котором лежала она, и принёс домой. Когда книжнику исполнилось восемь, все взрослые в его семье умерли. Он изо дня в день возделывал поле, охотился в горах, а в свободное время стоял у ограды частной школы, слушая уроки, и заодно помогал с уборкой.

Учитель в той школе, видя его тягу к знаниям и прилежание, не прогонял. В самые тяжёлые времена приходила сводня и уговаривала книжника продать её. Говорила, что девочка родилась красивая — за неё дадут хорошую цену, и сводня обещала двойную плату.

Книжник не продал. Он вырастил её.

Книжник был очень талантлив: он прошёл все экзамены до самой столицы. В день, когда вывесили списки успешно сдавших, книжник и она поженились. Не было ни родителей, ни свахи — вдвоём они съели миску лапши с мясом и яйцом, выпили самую дешёвую брачную чару.

А вскоре книжник умер.

Она забрала его тело, но на гроб денег не было. Кое-как закопала в земле, сверху навалила несколько больших камней — знак, что туда нельзя ступить. Позже она узнала: книжника просто затянуло. Талантливый и умный книжник погиб в придворных интригах, не подняв ни единой волны.

В столице было не выжить, в деревню вернуться тоже не на что. После смерти книжника мимо убогой хижины, которую они снимали, постоянно сновали мужчины неясного положения.

Она думала, что попадёт в бордель — или, в лучшем случае, станет чьей-нибудь наложницей. По счастью, встретила князя и сделалась его внешней женой. По несчастью, обнаружила, что

беременна.

Быть может, из-за того, что к книжнику она испытывала хоть какие-то чувства, а может, от молодости и неразумия — не выпила ту чашу с зельем, изгоняющим плод. Чтобы выжить, она стала относиться к князю иначе, чем к книжнику, и вложила в это долю умысла. Возможно, мужчины любят судить по внешности — её грубая уловка не была раскрыта.

После родов она расцвела ещё пышнее. Князь запер её в маленьком дворике, не позволяя выходить наружу. На самом деле она не чувствовала ни печали, ни обиды: роскошная и праздная жизнь была куда лучше, чем в деревне, где день — сытая, день — голодная. Единственное, что не слишком устраивало, — пол ребёнка: это оказался гээ-эр. Гээ-эров вырастить трудно; будь она по-прежнему в деревне, наверняка бросила бы младенца.

А потом всё пошло как в опере: мелодия тянулась высоко и долго, а затем резко оборвалась. При дворе началась смута: Император, князя — все погибли, главные евнухи и мелкие евнухи, сановники и мелкие чиновники сражались друг с другом до полного хаоса. Некий генерал ворвался в императорский город, но не усад на троне и нескольких дней — подросла новая рать. Небо окончательно рухнуло.

Её передавали из рук в руки, и каждый раз завершение сопровождалось кровью предыдущего хозяина. Неведомо как, но она не бросила своего гээ-эра. Быть может, потому, что его глаза были немного похожи на глаза покойного книжника — каждый раз, когда она хотела избавиться от дитяти, перед ней вставала картина, как книжник пододвигает к ней еду.

Постепенно она привыкла. В конце концов, содержать его не составляло труда: всегда находились мужчины, желавшие стать названными отцами для её гээ-эра, они вкладывали деньги и силы с огромным старанием.

Смутное время — человеческая жизнь дешевле собачьей, и жить-то невесело. Но, к счастью, находились мужчины, готовые развлечь её — глядя на них, она не скучала.

Она села с мягкой кушетки, не успев обуться, как услышала знакомые шаги. Вместе с ними внутрь хлынул запах крови.

Она терпеть не могла мужчин, только что вернувшихся с поля боя, но у таких мужчин было много страсти.

Она легла, думая: час работы настал — ну и ладно... По крайней мере, она не чувствует боли, даже находит в этом долю удовольствия. Так и коротала бессмысленную жизнь: ни хорошо, ни плохо...

В другом шатре военного лагеря Юй Чэньинь полулежал на походном ложе и отказывался от приглашения младшего сына Вэй-хоу:

— Нет никакого интереса, ступай один.

Вэй Ян бросил алое копьё, в несколько шагов подошёл к ложу:

— Почему не хочешь, А Инь? Целыми днями ты сидишь в шатре — это вредно для здоровья. Сегодня вечером у костра устроим пир, вместе попоём, выпьем. Ну же, пойдём.

Юй Чэньинь отложил книгу, лёг и нарочно повернулся спиной к Вэй Яну:

— Я не хочу и не люблю, когда мне мешают. Уходи.

Вэй Ян скинул сапоги, запрыгнул на внутреннюю сторону кровати, сел на корточки и уставился на Юй Чэньиня:

— Мы обручены, ты моя будущая жена. Муж зовёт тебя — а ты упрямо отказываешься?

Юй Чэньинь покосился на него:

— Не пойду.

Длинные брови Вэй Яна сдвинулись:

— Почему ты так холодна со мной? Или, как говорят другие, ты любишь моего старшего брата, а обручили нас с тобой, так что ты меня всей душой ненавидишь?

— При чём тут твой старший брат?

— Как это при чём? — фыркнул Вэй Ян. — Мой старший брат — законный сын покойной госпожи Вэй-хоу и к тому же первенец отца. В глазах всех он наследник. А я... всего лишь сын наложницы. Ты вовсе не хотела обручаться со мной.

— Понятия не имею, что ты несёшь. Я устал, прошу тебя выйти.

— Да, я несу чушь. Но отец сам решает женитьбу старшего брата. Ты всего лишь ребёнок, которого привела наложница Юй. Разве тебе, А Инь, быть со мной обидно?

Юй Чэньинь потёр лоб:

— Что ты устраиваешь? У меня от тебя голова разболелась. Я видел твоего старшего брата всего один раз, а ты уже наслушался пересудов и идёшь меня мучить. Продолжишь в том же духе — я пойду к матери и расторгну эту помолвку.

— Ты всегда так. Что бы я ни сказал — я скандалю без причины, что бы я ни сделал — тебе всё равно. Устраиваю я сцену, не устраиваю — тебе совершенно безразлично.

Юй Чэньинь похлопал Вэй Яна по руке, жестом предлагая ему поклониться. Сердце Вэй Яна забилося, он покраснел, забыв о недовольстве, и приблизился к Юй Чэньиню.

Однако Юй Чэньинь взял со стола красный финик и засунул его в рот Вэй Яну:

— Ешь свой финик. Всего лишь пустяк, а ты поднял шум на полдня. Ладно, какой там костёр, я пойду.

<http://bllate.org/book/18606/1791632>